

Дем
Михайлов

ПЕРЕКРЕСТОК

ОДИНОЧЕСТВА

Часть 3

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Иллюстрация на обложке — *Елена Скиталец*

Михайлов, Дем.

М69 Перекресток одиночества. Часть 3 / Дем Михайлов. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с.

ISBN 978-5-04-172133-6

Вот она жизнь, за пределами Бункера – замороженный инопланетный колосс, по которому шатаются замерзшие обнаженные Ходоки. Когда-то они были людьми. Сначала он был Гниловозом, но теперь его знают как отважного и целеустремленного Охотника. Такой человек подойдет, чтобы искать новые территории. Что он найдет на новой земле? Если на ней живут люди, они будут готовы раскрыть свои тайны?

Третья книга таинственной серии Дема Михайлова «Крест»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172133-6

© Михайлов Д., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Глава 1

— Так ты не охотник теперь! — заметил сидящий в отапливаемом салоне вездехода Зурло Канич.

Я сидел к нему спиной и не видел его лица, но знал, что почти восьмидесятилетний крепкий старик нервничает. Настолько сильно переживает, что его даже потряхивает — как и его верного товарища Анло Дивича. Как и еще троих их соотечественников, закутанных в тряпки так плотно, что казались приткнутыми к стене коконами. Я знаю имена каждого из них, но они все время молчат, стараясь даже не шевелиться, и поэтому остаются для меня безликой живой массой.

Я сосредоточен на дороге. И на разговоре с Зурло и Анло.

Оба они граждане Луковии. Оба они сидельцы, что отбыли здешний тюремный срок от звонка до звонка, — полные сорок лет отлетали внутри одиночных тюремных келий. Оба они были высажены на ледяных просторах, получив долгожданную свободу. И они же оба, оказавшись в Бункере, основанном и управляемом бывшими жителями моей родной планеты Земля, стремились оказаться среди своих — таких же, как они, выходцев из Луковии. Да... за моей спиной сидели два инопланетянина, что выглядели абсолютно обычными людьми. Разница во внешнем облике настолько невелика, что не сразу и обратишь внимание — первое, что сразу бросится в глаза, так это как бы расплющенные переносицы. Затем, уже заметив чуть необычный разрез глаз, удивишься тому, что щетина на верхних губах невероятно густая, прямо как сапожная щетка, а вот на щеках и подбородке она уже куда пожиже, хотя той же длины. И только беззастенчивое разглядывание позволит

заметить еще пару отличий — форма ушных раковин, чуть иные, будто приплюснутые затылки, удивительно крупные зубы. Но все это такие мелочи, что в них никогда не опознаешь «чужих». А если и заметишь все эти несообразности, то скорее поинтересуешься, из какой такой далекой страны они родом. И если они, к примеру, коротко скажут, что мы, мол, из Исландии, Гренландии или там еще откуда — то ты и поверишь. Даже проверять не станешь, как там на самом деле выглядят коренные жители. Возможно, заглянув им под одежду, можно увидеть что-то более... иное... но я такой потребности в игре «найди сто отличий» не ощущал. Люди как люди.

Вот такие вот инопланетяне.

Одна из рас, что так же, как и мы, земляне, обладает стойкостью к здешнему... шепоту... что вечно доносится от страшного Столпа, представляющего собой исполинскую ледяную колонну с плененным внутри невероятным существом колоссальных размеров...

Все мы рабы, что оказались непонятно где. Все мы застряли в крохотном промерзшем мирке, наполненном хищными тварями, что всегда рады полакомиться человечинкой. Все мы не больше чем крохотные муравьи, что населяют снежный мир-пончик, где в центре висится Столп, а внешние границы вроде как обозначены огромным валом из сбитых и упавших тюремных крестов. Что там за этими внешними границами — не знаю. Но очень хочу узнать. И уверен, что если жив буду — то обязательно узнаю.

— Ты не Охотник теперь, — повторил Зурло Канич, а сидящий рядом с ним Анло Дивич подтвердил это сдержанным странноватым возгласом, свойственным этой расе.

Возглас звучал как «вор-воур», и использовали они его часто и по любому поводу, когда требовалось выразить свое согласие с услышанным.

Прислушивался и приглядывался я с интересом, стараясь узнать и запомнить как можно больше мелочей. Гора из песчинок, океан из капель, дом из бревен, а человек из мелочей складываются — так говаривала моя бабушка.

— Я продолжаю охотиться, — не согласился я.

— Я об имени твоём. А не о роде занятий...

— Ух как прозвучало, — тихо рассмеялся я и тут же поморщился от пронзившей лицо тупой боли.

Прошло три дня с той памятной встречи с Гарпунером Ахавом, а лицо заживать не торопится. Электротравмы и обморожение — наверное, одно из самых мерзких возможных сочетаний. Такое впечатление, что организм никак не может сообразить, с чего начать регенерацию.

Потянувшись вперед, я опустил ладонь на торчащий из-под консоли управления синий рычаг и до щелчка опустил его, позволив затем вернуться обратно.

— Мы... у нас, — продолжил Зурло Канич, но вдруг запнулся и замолк ненадолго, чтобы продолжить через несколько секунд уже куда более смущенно: — Не знаю, интересны ли тебе слова усталого иноземного старика...

— Все мы люди, — покачал я головой. — Неважно, откуда ты. Неважно, как ты выглядишь и на каком языке говоришь. Даже твои слова... не так важны, чтобы придавать им слишком много значения.

— А что тогда важно?

— Действия. И самое главное — итог этих действий, — ответил я, сквозь толстые стекла кокпита глядя на медленно ползущую навстречу снежную целину. — Говорить можно что угодно. Как и обещать. А вот пообещать и выполнить — это вызывает уважение.

— Ты свое слово держишь.

— Мы пока не добрались.

— Уверен, что...

— Не загадывай, — чуть грубовато прервал я старика, но тот не обиделся и понимающе хмыкнул:

— Как говорят у вас — чтобы не сглазить. Не накликай.

— Не поэтому. Просто... такая слепая уверенность расслабляет. Заставляет отнестись с небрежением к делу.

— Ты удивительный человек, Охотник. Мое мнение и мои слова действительно не так важны, как мне бы порой хотелось. Я лишь старик, бредущий в потемках. А свеча моего разума уже изрядно ослабела.

— Учítывая, насколько хорошо изучен русский язык... не соглашусь, что свеча твоего разума начинает затухать...

— На изучение чего угодно у меня было сорок лет, — рассмеялся Зурло Канич. — Сорок неспешных размеренных лет, когда каждый час может тянуться целую вечность. На что еще тратить годы, как не на смиренное познание доступного? Мы — совокупность известного нам.

Я невольно вздрогнул, передернул под теплым свитером плечами, глухо пробормотал:

— И снова Фариа...

— Я... прошу прощения?

— Не читали? Роман «Граф Монте-Кристо». Авантюрный приключенческий роман французского автора.

Произнеся эти слова, я взглянул на изрядно распухшую сумку с личными вещами, лежащую рядом у моей ноги. Привычкам своим я не изменил, по-прежнему не расставаясь с самым важным. В сумке прибавилось вещей. Ведь два дня назад на обратном пути от Красного Круга я обдуманно позволил себе чуть отклониться от маршрута и навестить место крушения моего тюремного креста. Хотя обдуманно ли? Нет. Тут я кривлю душой — два с половиной дня от моей холодной продуманности действий мало что оставалось. Меня трясло и корежило, мне казалось, что я умираю, но я заставлял себя делать хоть что-то, двигаться куда-то, убираясь прочь от места схватки с Ахавом Гарпунером.

Я до сих пор окончательно не оправился. Но отлеживаться времени не было — хотя я позволил себе отлежаться целые сутки, когда...

— Соединяющий души, — внезапно произнес Зурло Канич. — Только эти слова подходят из вашего языка? Они самые простые... Еще есть слово «почтальон»...

— Почтальон вместо Охотника? — рассмеялся я и, вытащив из держателя высокий и только на треть полный стакан, сделал небольшой глоток сладкого крепкого чая.

— Нет-нет... м-м-м... ты особый человек... Это всего лишь совпадение, конечно. Да и мы не такие уж грешники, чтобы заслужить столь великую кару... но к тебе это подходит удивительно точно, мой друг, если позволишь так тебя называть.

— Вы очень хорошо изучили наш язык, — повторил я. — Так что за совпадение?

— Это из нашей истории. Возможно, не слишком интересно...

— Все же лучше, чем заснуть на ходу, — заметил я.

— Что ж... мы расскажем. Хотя «Соединяющий души»... не совсем подходит.

— Спаситель! — предложил Анло и тут же смущенно закашлялся. — Или Спасатель... Проводник? Ведущий?

— Просто расскажите, что он делал, этот ваш проводник — и я пойму, как его назвать на нашем языке, — сказал я.

— Что ж, — повторил Зурло. — Что ж... Там... Далеко-далеко отсюда, на нашей родине... тоже есть холодные снежные места. Есть места куда холоднее этого.

— Логично, — кивнул я и сделал еще один глоток чая.

— И эти места обширны. Я слышал, что на вашей планете есть два полюса — северный и южный.

— Верно. Гиблые места, где нет постоянных поселений — не считая научных станций.

— У нас все примерно так же. Но наша родина холодней. Снега и льда у нас больше. Конечно, все стремятся жить в самых теплых местах. Наш экватор... там нет таких тропиков, какие, как я слышал, имеются на вашей планете.

— У нас есть тропики, — согласился я, не став ему говорить, насколько сильно царапает мой слух словосочетание «ваша планета».

— Наша цивилизация... все наши страны... они заняли свои территории на экваторе подобно бусинам различного размера. Но речь не о нашем мироустройстве. Нет. Я хочу рассказать о нашей древней системе наказаний для особо тяжко согрешивших. Наказаний для преступников. Если тебе неинтересно, Охотник...

— Мне интересно.

Откашлявшись, Зурло что-то уточнил на своем языке у Анло, они вместе перебрали несколько слов, и наконец-то история началась:

— Сейчас у нас... у них там... современная судебная система. Есть тюрьмы. Все как положено. Но до сих пор каждый из приговоренных к смерти может попытаться... может выбрать себе «ледяной забег».

— Звучит мрачно.

— Это действительно мрачно, Охотник. Но мы чтим эту традицию. Хотя на самом деле все очень просто — избравшего эту участь преступника увозят прочь от теплых мест. Его везут в льды и снега — в место, подобное этому. В место, подобное миру вокруг Столпа, где мы сейчас живем.

— Зачем?

— Его везут за многие километры. И чем серьезней его преступление, чем тяжелее его грех, тем дальше его увозят от обитаемых теплых мест. Также в зависимости от тяжести преступления

рассчитывается количество еды, снаряжения и одежды, что будет позволено ему иметь.

— Кажется, я начинаю понимать...

— Как я и сказал, традиция мрачна, но проста. Приговоренный к смерти вправе попытаться искупить свою вину «ледяным забегом».

— Его увозят в гиблые места... и бросают там.

— Да.

— И он...

— Или она...

— Справедливо. И преступник должен...

— Ты правильно понял, Охотник. Оставленный в снегах преступник знает, в какой стороне находится спасение: ему указывают направление. Один раз.

— Вот сейчас я не совсем понял...

— Направление к спасению указывают лишь один раз, — терпеливо повторил Зурло Канич. — Компаса преступнику не оставляют. И если он потеряет направление... то будет блуждать среди снегов до тех пор, пока не умрет от голода или холода. В старые времена преступников оставляли в розе следов...

— Как-как?

— Я взял аналогию с розой ветров. Видимо, ошибочно... в старые времена преступник оказывался в месте, откуда следы лыж ведут в разные стороны. Это делалось специально.

— Чтобы он не мог выйти по следам к спасению. Чтобы у него не было путеводной нити.

— Да. В наши времена преступников доставляют по воздуху. Следов не остается. Но им указывают направление один раз. Поэтому в старые времена следы специально путались, скрещивались и разбегались. Им нельзя было верить, этим обманчивым линиям на снегу и льду.

— И каковы расстояния?

— Они разные. Зависит от...

— Я понял. Зависит от тяжести преступления. И какова дистанция за убийство?

— Нет-нет... не все так просто, Охотник. Нет фиксированной дистанции за то или иное преступление. Когда преступник выбирает «ледяной забег», по его делу назначается... сход? Совет?

— Комиссия? Новый суд?

— Да... да... собираются важные люди и снова изучают его судебное дело. Кого он убил, по какой причине, какого возраста и пола была жертва, случилось ли, к примеру, изнасилование, и была ли смерть жертвы быстрой или долгой и мучительной...

— Хм... То есть убивший ребенка гад...

— У него почти не будет шанса спастись.

— Почти?

— Нельзя оставить даже такого за тысячу километров от жилых мест, одетого только в тонкую куртку и рваную шапку... понимаешь? Шанс должен быть всегда. Но иногда шанс этот призрачен... он столь же призрачен, как у нас здесь: каковы были наши шансы отсидеть все сорок лет в тюремном кресте и не умереть от болезни, не быть сбитыми Столпом...

— Понимаю, — кивнул я и допил чай. — Хорошо. Снабженный тем или иным снаряжением и пропитанием преступник оказывается брошенным в снегах. И дальше все зависит только от его стойкости и силы воли. Он должен пройти весь путь и, если не сумеет — умрет, и никто не придет его спасать.

— Все так, Охотник. Ты понял правильно. Это всегда очень долгая и тяжелая дорога. И пока он идет по ней — он может подумать о своих грехах, он может вспомнить лицо убитого им и раскаяться...

— И как часто это удается? Выйти живыми в теплые места.

— Редко. Очень редко. И на это мало кто решается.

— Даже приговоренные к смерти?

— У нас убивают мгновенно и безболезненно. Секунда — и ты мертв. И у нас не предупреждают о времени смерти. Тебя казнят прямо в твоей же одиночной камере.

— Вот ты ел кашу... и вот ты уже лежишь головой на столе, так ничего и не успев понять?

— Да. Мучительное ожидание... и все же милосердная молниеносная смерть.

— Я понял, — медленно кивнул я. — Понял... но при чем тут я?

— А ты бы попытался? Решился бы?

С помощью закрепленного передо мной зеркала заглянув в глаза сидящего позади старика, я ответил:

— Да. Даже если бы меня выгнали в снега голым и босым — я бы предпочел это, а не внезапную смерть за тюремным завтраком.

— Ты силен душой, Охотник.

— Но я так и не понял... Проводник? Соединяющий души?

— Сейчас ты все поймешь. Мы... не все... но многие из нас считают, что это как... «ледяной забег». Понимаешь? Нас сюда сослали искупать грехи. Это лишь символично... акт веры... а может, просто попытка придать смысла этому злобному безумию, что исковеркало наши жизни...

— Ты очень хорошо знаешь наш язык.

— Мой «ледяной забег» длился сорок лет и продолжается. Было время изучить многое, — горько рассмеялся Зурло. — Видишь ли, Охотник, преступник, что бредет в снегах... он не один. С ним всегда идет кто-то рядом. Мы его называем по-разному, много у него имен. Но он не проводник... и не указывающий путь... он просто идет неподалеку от тебя, иногда сближаясь и разговаривая.

— Это человек? Настоящий? Из плоти и крови? Или что-то вроде святого духа или ангела-хранителя?

— Вот! Ангел-хранитель! — воскликнул старик. — Правильное название! Да! Но он не святой дух, нет. Он такой же, как ты, — человек. Его задача — разговаривать с тобой. Понимаешь? Он всегда тот, кто опытен в снегах, кто может жить во льдах и не погибнет даже в лютую пургу.

— Профессиональный охотник?

— Кто-то такой, как ты...

— Я не профессионал, — покачал я головой, борясь с желанием впиться ногтями в зудящую щеку.

— Но однажды ты им станешь. И вот тогда ты был бы тем, к кому первым обратится... комиссия... что попросит тебя сопровождать преступника, избравшего «ледяной забег».

— Он может указывать ему путь?

— Нет. Это запрещено. Во всяком случае, не напрямую. Но он делает нечто куда более важное... он разговаривает. Он идет рядом с бредущим по снежным полям и разговаривает с ним. Они беседуют о разном — вот как мы сейчас с тобой. Он прислушивается к словам преступника, вглядывается в его лицо, оценивает каждый его жест. И заодно подбадривает, не дает...

— Угаснуть его духу, — вставил Анло. — Подбадривает!

— Да. Он подбадривает его. И иногда, когда сопровождающий видит, что преступник действительно раскаивается, проявляя при этом истинную стойкость духа... он может дать ему пару мелких подсказок. У вас, как и у нас, есть игра «горячо-холодно».

— Не говорит напрямую, но если раскаявшийся преступник идет в неправильную сторону, то ему могут подсказать...

— Да. Иными словами... иносказательно... Очень редко он может даже дать тебе немного еды.

— И он будет с преступником до самого конца?

— Да. И он же погребет его на месте смерти, если таковая случится. Заберет только голову.

— Мелочь какая...

— Это традиция. Чтобы ни у кого не возникло сомнения. Ведь они там одни — в снежной пустыне. Никто не должен сомневаться, что сопровождающий исполнил свой долг. И никто не вправе наблюдать за ними и слышать их слова. Они разговаривают днями и часами. Беседуют. О совершенном преступлении. О жизни. О всяких вроде бы неважных мелочах...

— И снова — при чем тут я?

— Так ведь... ты точно такой! У меня мороз по коже побежал, когда ты начал задавать свои вопросы. О том, как мы себя чувствуем, что думаем, какое у нас настроение, что думаем о том и о сем... ты умеешь спрашивать и умеешь слушать. Ты очень внимателен, Охотник. Не пропускаешь даже мелочей. Будь ты там у нас... тебе бы поручили это святое тяжкое дело сопровождения в «ледяном забеге». Вот поэтому я и сказал, что имя «Охотник» тебе больше не подходит. Ты... ты Равэйрэс... Но перевести невозможно. Но ближе всего — Последний друг. Последний спутник. А еще их называют Оценивающими и Решающими. Не знаю... но... мне прямо почудилось, что ты выносишь нам свой личный безмолвный приговор: помогать или нет, стоим мы твоей помощи или нет...

— М-да, — хмыкнул я, невольно замороженный этой мрачной традицией. — Преступника на мороз — и пусть бредет босиком по снегу, разговаривая за жизнь с... как там его?

— Равэйрэс... Их всегда очень мало. Они всегда живут в снегах, возвращаясь в тепло очень редко. Они улыбки и говорливы, но ничего не рассказывают о себе. Они любят одиночество. Они готовы помочь, но не бесплатно — считая, что любая помощь должна быть оплачена или заслужена. Они умелые слушатели и всего парой слов могут разговорить любого молчуна. Тебе никого не напоминает это описание, Охотник?

— Равэйрэс, — с мрачным смешком пробормотал я. — Нет. Я Охотник. А заодно водитель вездехода... Спасибо за красивую историю, Зурло. И тебе, Анло. Пospите немного. И дорога станет короче.

Меня поняли правильно, и в машине стало тихо. Еще раз дернув за синий рычаг, я одной рукой открутил крышку термоса, налил себе еще горячего чая, сделал бодрящий глоток и опять вперил взгляд в медленно наплывающие снежные холмы. Глаза смотрят в ближайшее будущее, а вот мысли в недалеком прошлом — вернулись на три дня назад, когда меня, уже вроде бы отогревшегося, вдруг прихватило прямо в Красном Круге. Тогда я думал, что там и останусь навсегда...

* * *

Тогда, несколько дней назад, когда я впервые оказался в начавшем оживать промороженном вездеходе «чужих», меня внезапно отключило. Это случилось так же внезапно, как казнь смертника в Луковии. Бац — и ты уткнулся лицом в недоеденный тюремный завтрак. Я не упал, а просто обмяк в удобном водительском кресле и отрубился. Сколько прошло времени до моего прихода в себя — не знаю. Не было времени поглядеть на часы. Чувствуя холод, видя перед собой сотни пульсирующих звезд, что застилали мне взор, единственное, что я успел — дважды дернуть за синий рычаг под консолью управления. Я почувствовал ударивший по ногам поток теплого воздуха и опять отключился. Очнувшись в следующий раз, повторив манипуляцию с рычагом, я неловко сполз с кресла и растянулся на боку, исторгнув стон боли и облегчения одновременно — тело жутко затекло, меня пронзали мурашки, ныли суставы и шея, а перед глазами все так же пульсировали крохотные искорки звезд. И шепот... призрачный настойчивый шепот, что звучал в моей голове столь же усыпляюще и бодряще, как ночной северный ветер за стеной снежного убежища. Такой ветер гонит стылую снежную пыль поземки над мерцающим льдом с вмороженными телами глядящих в холодное звездное небо сидельцев...

Не знаю, что именно пытался донести Столп до моего измученного и израненного электричеством разума. Я не слушал. Мне было слишком плохо. Я провалился так глубоко, что кто бы ни звал меня оттуда, я бы не услышал. Или не захотел бы услышать.

Мне повезло. Я не умер. Именно повезло — хотя я ненавижу это слово, ведь, произнося его вслух, приходится признавать, что это была слепая удача, а не результат продуманных четких действий. Хотя, будь на моем месте кто-то «похлипше», как называла всех худосочных и болезненных моя бабушка, он вряд ли бы выжил. Но крепкое закаленное тело выдержало. И это снова убедило меня, что удача приходит к подготовленным.

Придя в себя в очередной раз, я чуть полежал неподвижно и вскоре убедился, что сейчас я проснулся, а не очнулся. Это открытие добавило мне сил, и я поднялся, всполз обратно на кресло и дернул за чертов рычаг. С губ само собой сорвалось:

— Пока больно — ты живой, пока тяжело — ты живой, пока горько — ты живой. Ох... — замолкнув, я зажал щеки и подбородок между ладоней и протяжно застонал.

Удар электротоком не прошел даром. Электротравма и была причиной моего долгого беспомощства. Но, даже отлежавшись — без питья и еды на металлическом полу, — я все равно чувствовал последствия удара Ахава Гарпунера.

Самое противное — ноющая боль в челюстных и вообще в лицевых мышцах. Я не мог нормально владеть челюстью и — уверен — вряд ли могу сейчас нормально владеть мимикой, я чувствовал мелкую дрожь лица. Вскинув глаза, неожиданно увидел подтверждение своей теории — лицо отразилось в изогнутом длинном зеркале, закрепленном над стеклами кокпита. В нем отражался весь салон. И в нем отражался я — страшный, почерневший, с впавшими глазами на опухшем багрово-черном лице с двумя вздутыми ранами. Ладони горят огнем, пересохшее горло уже даже не саднит, но чувствуется, что с ним полный кошмар. Колено чуть затихло, а вот ребра пронзает резкая частая боль. Я сижу неподвижно, стараясь уподобиться роботу или там киборгу, что бесстрастно оценивает собственные повреждения и текущие возможности.

Заодно я пытался понять, почему меня вырубил с таким запозданием. Так и не придя ни к чему определенному, но поняв, что организму очень плохо — и в первую очередь от нехватки воды, — я еще разок дернул за рычаг под консолью — пусть машина не остывает — и, хромя на обе ноги, поплелся к выходу из салона, едва сдерживая позывы организма...

Еще раз побывав в душе, через силу запихнув в себя пару кусков пеммикана и влив побольше воды, я принял имеющиеся лекарства, переоделся, затем неспешно и без всякой на то особой причины постирался... после чего разом почувствовал себя гораздо лучше. Вряд ли мои вялые действия и пара старых таблеток могли так улучшить мое состояние. Просто благодаря всему этому я вышел из состояния сонливости, вернувшись в стылую реальность.

Одевшись, подавил желание завалиться на ближайшую мягкую поверхность и подремать — хватит. Вместо этого я вернулся к гусеничной машине и занялся ее тщательным осмотром, баюкая в руках горячий и сладкий черный кофе. С каждым глотком мне становилось все лучше, и вскоре я убедился — не умру. Можно продолжать, Охотник, можно продолжать.

Внешне вездеход выглядел как наша земная техника времен конца девятнадцатого и начала двадцатого веков. Те же грубые жесткие очертания без малейших попыток сгладить углы. Зато прочность и тяжесть зашкаливают. Я не инженер, но с почти полной уверенностью могу предположить, что вездеход конструировали те же, кто занимался созданием невероятно надежных тюремных крестов. По сути, это пустотелый стальной слиток. Крылья ему обрубил почти под корень, для чего-то оставив их зачатки. Мощное тупое рыло украшено сегментной полосой выпирающего стеклянного кокпита. Чтобы харя не зарывалась в сугробы и торосы, машина поставлена на высокие широкие гусеницы. Само строение траков какое-то странное... я не могу понять, в чем разница, — я не техник-спец. Ясно лишь, что принцип тот же, что и у нас, а вот сами траки и катки выглядят чуть иначе. Гусеницы ничем не прикрыты, так что если на вездеход и можно вскочить во время его движения, то только сзади. А там имелся широкий откидывающийся люк — почти во всю заднюю стену. Тоже удобно. И тоже не ново. К заднице вездехода никаких вопросов не возникло, а вот к рылу были — и еще какие. Впрочем, стоило мне вспомнить ничуть не обтекаемую морду своего тюремного креста, и я отбросил все вопросы. Тут над обтекаемостью и аэродинамичностью, похоже, не особо заморачивались. Но летающим утюгам они и не требовались — они особо не маневрировали и не ускорялись. Вот и вездеход выглядит обычным куском металла на гусеницах. И в целом это логично — не такие уж здесь большие расстояния. А в

те времена, когда здесь все только начиналось, уверен, что снега и льда было куда меньше, а местность была ровнее.

Допив кофе, я прекратил наматывать круги вокруг машины и забрался внутрь — через боковую широкую дверь, что вела в салон. Третий и последний выход я заметил не сразу — он был расположен в полу. Зато открывался он просто — требовалось лишь отжать на себя по скобе с двух сторон, и стальная плита легко поднималась на шарнирах, открывая доступ к пространству между гусеницами.

В самом салоне не было ничего, кроме пары приваренных к стенам широких стальных лавок. В кабине управления имелось три кресла. Причем центральное предназначалось для водителя, а два боковых явно отводились для пассажиров или наблюдателей, что в принципе равнозначно. Я так решил по причине отсутствия перед боковыми креслами каких-либо приборов или органов управления. Зато там имелось по небольшому квадратному столику, что идеально подходил для произведения записей. Ну, или кофе поставить можно — были соответствующие отверстия. Перед центральным креслом — с подлокотниками — два рычага и две педали. Это не считая еще нескольких кнопок и рычагов на консоли управления. Еще имеются два явно не сенсорных мерцающих экрана, на которых не было изображено ровным счетом ничего — просто желтое ровное свечение. С этим придется разобраться позже — если машина вообще на ходу. Ведь гараж пуст — не считая этого вездехода, все прочие машины исчезли.

За время изучения машины я отыскал несколько отсеков, что явно были предназначены для хранения различных предметов. Всего таких нычек обнаружилось пять — все внутри салона. Самые большие расположены в полу, те, что поменьше, — под столиками по сторонам консоли и в подлокотниках водительского кресла. Четыре отсека пустовали — там даже пыли не было. А в том, что под моим левым подлокотником, отыскалась прямоугольная деревянная (деревянная!) коробка, украшенная инкрустацией из цельного красного круга. Коробка деревянная, круг из какого-то минерала — но это навскидку. Но точно не пластик. Простенький откидной запор, а внутри различные коробочки и прозрачные колбочки. Были и почти знакомые на вид блистеры из блестящей фольги. Много поясняющего и явно сложного текста на непонятном мне языке. Аптечка. Тут и думать нечего — штатная аптечка вездехода.